

Вера Богданова

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОБЕГА

12+

Вера Богданова

История одного побега

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66876873

SelfPub; 2021

Аннотация

Запутавшийся подросток и судьба человечества. Что их объединяет? Не пропустите эту атмосферную историю, развязку которой предугадать и забыть невозможно.

Содержание

Глава 1. Мама	4
Глава 2. Таверна	9
Глава 3. Дедуля	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вера Богданова

История одного побега

Глава 1. Мама

Мы сидим на краю ванной. Мама в который раз мочит полотенце водой, выкручивает и прикладывает к ссадине на моей щеке. Я рассматриваю ее лицо: на бледном лбу залегла тревожная складка, под глазами заметные тени, края губ обветренные, нечеткие, как будто помада размазалась. Но все равно она очень, очень красивая. Мамины глаза, карие с рыжей крапинкой, от расстройства темнее обычного.

– Не пойму, чего ты сдачи-то не дал? Вон, здоровый какой! – она явно раздосадована, хмурится.

Я молчу. В который раз нет у меня ответа на этот, казалось бы, простой вопрос. Не то, чтобы я струсил, нет, но ... Что-то не дает мне поднять руку на другого человека.

– Ладно, пошли, горе мое... – мама бросает мокрое полотенце в раковину, поднимает меня за руку и подталкивает к двери. Делает шаг следом, но потом, коротко вздохнув, возвращается и достает из тумбочки под раковиной мой старый школьный пенал. – Непростой денек, плохо себя чувствую...

Освободив себе место среди журналов, пакетов с чипсами

и засаленных подушек, мы устраиваемся на диване в гостиной. Мама включает телевизор.

Откинувшись на спинку дивана, я пытаюсь разобраться в том, что происходит на экране. Тем временем, мама расстегивает пенал и достает оттуда знакомые «*причиндалы*» и свое лекарство. Перед тем, как набрать лекарство в шприц, его нужно насыпать в ложку, накапать воды и держать над зажигалкой, пока не закипит. Мама перетягивает резиновой лентой руку над локтем, делает себе укол и откидывается на спинку дивана рядом со мной.

– Иди сюда, – шепчет она и притягивает меня к себе. От ее запаха мне становится хорошо и спокойно, несчастья сегодняшнего дня отступают, и я закрываю глаза. Мама затягивает румынскую колыбельную: «*Ну ти тэме ту де змэй, Й-а гони майка ти эй*». Не бойся чудовищ, мой малыш, мамочка всегда тебя защитит...

Мы всегда были вместе: мама и я. Сколько я себя помню, мы часто переезжали с одного места на другое. Везде мама меня «*пристраивала*» в школу, куда я ходил каждый день. Ну, почти каждый... Сказать по правде, мне там никогда не нравилось. Никак я не пристраивался.

Мама говорила, это потому, что я особенный. Мне тяжело читать и писать, а цифры вообще мне кажутся бессмысленной кучей закорючек.

Да и дети в школе, как правило, были злые. Они меня

дразнили по-всякому и смеялись, когда я пытался отвечать на уроке. А однажды я услышал, как учителя между собой назвали меня *«неполноценным»*. Мне показалось это неправильным. Как можно оценивать человека? Люди же не продаются, да? Я спрашивал об этом у мамы, и она шла в школу и громко ругалась с теми, кто меня обидел, кричала им разные нехорошие слова и по-испански, и по-румынски. Лица учителей во время таких сцен покрывались красными пятнами, а дети у мамы за спиной корчили противные рожи и грозили мне кулаками. А когда ни учителей, ни мамы рядом не было, их кулаки шли в ход.

Дома мама целовала меня в лоб, прижимала указательный палец к кончику моего носа и говорила: «Пусть не самый умный, зато точно самый сильный! И красивый. А вообще, больше молчи, сынок. Помалкивай – за умного сойдешь».

И смеялась. И я смеялся в ответ. Такие вот у нас шутки. Нам было очень хорошо вместе.

Поэтому я обычно мало разговариваю, вернее, стараюсь вообще молчать. Чтобы сойти за умного. Как просила мама. Тем более, когда заикаешься, молчать удобнее.

Где бы мы ни жили, мама всегда находила себе интересную работу. Еще бы, ведь она такая умная! Например, она мыла посуду и полы в разных *«приличных заведениях»*, и брала там еду для нас обоих. А еще она часто ходила *«прошвырнуться»* по магазинам и приносила оттуда всякие замечательные вещи. «Знаешь, сколько стоит? – смеясь, спрашива-

ет мама. На ее вытянутом пальце покачиваются новенькие синие пластиковые часы с электронным циферблатом – мечта, а не часы! – А нисколько! У них там завались всякого добра, сроду не заметят. Подумаешь, пылится там все это барахло годами. А вещи для того и делают, чтобы хорошим людям служили. Вот и нам пригодится, да?». Она помогает мне надеть часы, я вытягиваю руку и люблюсь. Я ей очень горжусь.

Иногда мама делала красивую прическу, наряжалась, красилась ярко, отчего становилась похожей на какую-нибудь дикторшу из телевизора, и уходила «на свидания». Ее могло не быть по нескольку дней, но и это было неплохо, потому что я мог пропускать школу, есть все, что найду в доме, и целый день смотреть телевизор.

Конечно, у нас бывали плохие дни, у кого их не бывает. Порой мама нехорошо себя чувствовала и оставалась дома. Тогда ей приходилось колоть себе лекарства: без врачей, самой, прямо в руку. Поначалу меня это пугало, но ведь ей становилось легче, и я смирился.

Когда у мамы не хватало денег на лекарства, она была сама не своя и говорила мне обидные вещи. Ну, что я ей «помеха», что от меня никакого толку, одни проблемы. Но она никогда меня не била и всегда после такого извинялась и заверяла меня, что на самом деле очень меня любит. А иногда даже приносила мне новую фигурку из «Звездных войн». У меня

их уже целая коллекция!

В такие, хорошие, дни мы делали что-то веселое. Например, шли на ярмарку объедаться сладостями или ехали на автобусе к морю и бросали камни, кто дальше.

Я всегда у мамы выигрывал, потому что я – «*настоящий здоровяк*». Так она меня называла.

Думаю, хороших дней у нас было гораздо больше, чем плохих. Правда, иногда я умудрялся все испортить.

Глава 2. Таверна

– Говорила я тебе, не болтай лишнего! – мама шумела и металась по комнате, пытаясь прикурить от пустой зажигалки. – Никому, слышишь, никому нельзя доверять! Этим, – она махнула незажженной сигаретой в сторону окна, – только бы влезть в нашу жизнь своими грязными лапами. И Супермен твой ничем не лучше других». Супермен был учителем по физкультуре в моей нынешней школе. Вообще-то, я ни с кем из посторонних никогда не сближался, но Супермен... Супермен стал исключением. Он всегда хвалил меня за выносливость и силу, даже ставил в пример другим. Пару раз он вмешался, когда другие мальчишки обступили меня с явным намерением «*навалить тупице*». И вот недавно я подвернул ногу на тренировке, и мы сидели рядом на скамейке школьного стадиона, наблюдая, как мои одноклассники, обливаясь потом, преодолевали круг за кругом.

– Что, часто твоя мама болеет? – как бы между прочим спросил Супермен, не отводя взгляда от еле волочивших ноги спортсменов.

И тут меня как прорвало. Привычный страх перед маминной болезнью внезапно разбух внутри меня так, что невольно стало терпеть: а вдруг она сама не справится? Ведь Супермен – он сильный, он добрый, он наверняка сможет ей помочь! Ну и я, как мог, рассказал ему про мамину болезнь,

про ее лекарства... Супермен слушал молча и хмурился. Когда он вызвался проводить меня домой, меня переполнила надежда. Наверное, он ее осмотрит, что-то посоветует... Интересно, мама обрадуется?

Мама не обрадовалась. Нехотя впустила его вслед за мной в дом и замерла, скрестив руки на груди и глядя исподлобья. Он вначале мялся, покашливал, а потом уселся на диван и перешел прямо к делу:

– Послушайте, Вам нужна помощь.

– С чего это ты взял?

– Может, поговорим с глазу на глаз?

– Валяй, – мама недобро посмотрела на меня и мотнула головой в сторону двери. Я послушно вышел и даже дверь за собой закрыл. Было очень неловко, по-другому я себе представлял мамину реакцию. Расстроенный, я пошел в свою комнату, плюхнулся на кровать и стал листать какой-то комикс.

Прошло немного времени, и внизу хлопнула дверь. Я подскочил к окну: Супермен шагал в сторону калитки, насупленный, руки в карманах. Не успел я подумать, что дела плохи, дверь в мою комнату распахнулась, и влетела разъяренная мама. И вот теперь она металась по моей комнате и шумела.

– Так вот! – «щелк-щелк», мама в бешенстве трясет зажигалку. – Знаешь, что твой Супермен удумал? Засунуть меня на принудительное лечение, а тебя сдать в «социальную

службу». Это где это видано, мать с ребенком разлучать? Они там и меня залечат до смерти, и тебя заодно! Кто тебя за язык тянул? Никогда, говорю, никогда не доверяй чужим! Никому мы не нужны на целом свете. И ты жив и на свободе, пока я рядом! – она метнулась к шкафу и выгребла оттуда большой потрепанный чемодан и спортивную сумку. – Соберай-ка вещички! К Дедуле поедем.

В автобусе мама злиться перестала, зато стала тихой и грустной. Я прислонился лбом к оконному стеклу и смотрел, как один за другим исчезают из нашей жизни знакомые домишки, почтовое отделение, заправка, таверны вдоль дороги.

– Ну надо же... В кои-то веки познакомилась с интересным мужчиной, на него и положиться можно, и все такое... И вот на тебе, опять надо уехать. За что мне все это, Боже, ну за что?

Голос у мамы стал плаксивый, и я решил сменить тему:

– А Д-д-дедуля, он какой?

– Что? А, Дедуля... Нормальный старикан. Сколько себя помню, он всегда хотел сюда, в Испанию. А мама моя – ни в какую... Когда ее не стало, папа сказал, что в Румынии его ничего больше не держит, и мы сюда подались. Я тогда чуть старше тебя была. Но, знаешь ли... Не хватает ему душевной тонкости, чтобы понять такую сложную натуру, как я. Поэтому ему от меня было одно расстройство. Из дому ме-

ня выгнал, представляешь? Может, думал, я вернусь и буду жить по его правилам. Но я тогда ужасно на него рассердилась, решила доказать, что сама могу свою жизнь устроить. Решила, что встану на ноги и вернусь вся такая важная, при деньгах, при муже. Но все не так просто оказалось, сынок. По-испански я тогда «ни бум-бум», пришлось работать где попало. Хотела на университет накопить, ведь без образования точно не разбогатеть. Потом ты появился, и все навалилось-закрутилось... Надо было раньше гордость свою побороть и навестить его. Но – лучше поздно, чем никогда, да, малыш? – мама вздохнула и стала рыться в сумочке. Выудив оттуда мятую бумажную салфетку, она положила ее себе на колено и стала распрямлять ладонью. – Он меня до сих пор любит. И тебя полюбит, вот увидишь.

– А ему можно доверять?

– Дедуле-то? – мама высморкалась, повернулась ко мне и, наконец, улыбнулась. – Ему точно можно. Он же – свой. Уверена, он нам обрадуется! Ну ладно, дорога долгая, я, пожалуй, вздремну. – Вскоре она уже спала на моем плече. Мокрая салфетка выпала из ее руки, но я не стал поднимать: пусть лучше мама спит, чем плачет.

Я не понял, обрадовался нам Дедуля или нет. Он посмотрел на маму, на наш багаж, на меня, топтавшегося позади мамы, вздохнул и сказал: «Вот такие вот, значит, дела». И пошел ставить чайник. Мама обернулась и сказала, что он

обрадовался, просто немного растерялся. И решительно потащила нас, меня и чемодан, в дом, вслед за Дедулей.

У Дедули мне понравилось: жил он недалеко от моря, а еще у него был гараж. Машины, правда, там не было, зато обнаружилось много замечательных старых вещей: ржавый велосипед, рогатая печатная машинка, у которой не хватало клавиш E и C, приемник из дерева, который работал, только если его вынести на улицу, даже часы с кукушкой. Вернее, без кукушки, но с домиком для кукушки.

В общем, много было в том гараже всяких занимательных штук. Я мог часами их трогать и рассматривать, сам или с Дедулей. Он даже предложил вместе починить велосипед, чтобы я на нем катался.

Какие-то старые вещи Дедуля ремонтировал и отвозил продавать на «*барахолку*», а какие-то, наоборот, приносил домой, и мы придумывали, как их исправить.

Иногда маме становилось плохо, и ей опять приходилось колоть лекарство. Дедуле это совсем не нравилось, он сердился и говорил, чтобы она «*прекращала это дело*», но мама его не слушалась. Видимо, ей было слишком больно. Да и вообще, сложной она была натурой, Дедуле такую не понять.

Однажды мама объявила нам с Дедулей, что ей надо уехать, «*чтобы устроить личную жизнь*». А как только она ее устроит, сразу за мной вернется. Дедуля сделался очень сердитый на маму и сказал, что она не имеет права так по-

ступать, ведь он уже совсем дряхлый и один со мной не справится. А еще, что «по уму» надо бы меня определить в «специальное заведение».

Тогда мама заплакала и начала просить ее отпустить, говорила, что у нее на отца вся надежда, и другого «такого шанса» у нее не будет. И что специальные заведения – для агрессивных и идиотов, а я не агрессивный и не идиот. Поэтому лучше я буду жить с Дедулей и ходить в обычную школу. И он, как ее отец, просто обязан нам помочь. Потом она вдруг бросилась к нему на шею, не дожидаясь ответа, и стала его целовать. Дедуля стоял, смотрел на меня через мамино плечо и ничего не говорил.

На следующий день мама уехала.

Я продолжил помогать Дедуле в гараже, а еще меня он меня «пристроил» в новую школу. Я было расстроился, но там меня совсем не обижали, потому что в моем классе была одна мелюзга. Да и на уроках я уже не боялся выглядеть совсем глупым, ведь многое из того, что мы проходили, оказалось мне знакомым по предыдущей школе.

Про «специальное заведение» Дедуля вспоминал все реже, только когда сердился. Про маму он мне сказал, что она хоть и «непутевая», новая любовь может ее вылечить, поэтому она уехала ее искать. И мне оставалось только ждать.

Мы ездили вместе с Дедулей на барахолку, где оказалось почти так же интересно, как на ярмарке, куда мы ходили с

мамой. Там тоже продавали сладости, правда, не было аттракционов. Зато у нас был свой столик, где Дедуля бережно раскладывал починенные и начищенные вещицы. У столика останавливались люди, разглядывали все эти прекрасные предметы, брали в руки, вертели так и сяк и показывали друг другу. Про каждую из них Дедуля рассказывал удивительные истории, и люди «ахали» и «охали», и уносили наши вещицы с собой, очень довольные. Отдав Дедуле взамен свои деньги.

Бывало, кто-то начинал торговаться. Дедуля в ответ тоже торговался, но без особого желания. Он бы вообще не стал этого делать, если бы не был румыном. «А румын, – вздыхая, говорил Дедуля, – торговаться должен уметь и любить». А он – умел. Поэтому из схватки с ним редко кто выходил победителем. Ну, сами виноваты.

Когда возле нас останавливалось много людей, и каждый что-то покупал, Дедуля радовался хорошему дню, у него блестяли глаза, и он трепал меня по затылку, а по дороге домой даже напевал:

Из края в край вперед иду,
Малой всегда со мно-ою,
Под вечер кров себе найду,
Малой всегда со мно-ою.

Подайте грошик нам, друзья,
Малой всегда со мно-ою.

Обедать, право, должен я,
И мой Малой со мно-ою.

Песню эту написал великий композитор, который был совсем-совсем глухой. Писал он, ясное дело, не про меня, а про какого-то сурка. Я не знал, чему больше удивляться: что глухой может писать песни, или что великому композитору приходилось попрошайничать.

Эту и многие другие необыкновенные истории мне рассказывал Дедуля, я обожал их слушать и, как мог, запоминал.

В один такой удачный день Дедуля, пересчитав вырученные деньги, сказал: «Ну что, Малой, пойдем-ка теперь отметим это дело в приличном заведении!» Я разволновался: вдруг окажется, что моя мама теперь работает именно в этом приличном заведении? Так мы впервые пошли в Таверну.

Мамы там не было. Заведение было набито людьми, они болтали на разные лады, ели и смеялись, и пахло там хорошо, по-домашнему. Хозяйева очень тепло встретили Дедулю, поздоровались по-румынски и по очереди его обняли. Я даже решил поначалу, что они какие-нибудь наши родственники. Но Дедуля потом сказал, что они не родственники, а просто очень хорошие люди, и я страшно загордился от того, что ему рады такие хорошие люди.

У Хозяина Таверны волосы были длинные, почти до плеч,

густые и вьющиеся. Черные, как уголь, а на висках с проседью. А глаза – голубые. Может, поэтому он мне сразу показался похожим на одного благородного короля из книжки, которую мне читала мама.

Рукопожатие у него было точно королевское: крепкое и ободряющее. Когда он улыбался, из его глаз как будто бы голубой свет шел, и по загорелому лицу разбежались добрые морщинки. Мне сразу захотелось тоже с ним дружить! Жаль, что посторонним доверять нельзя...

Хозяйка, его жена, была моложе, тоненькая, как девочка, смуглая, с длинными темными волосами и изящными ручками. И я подумал, что она тоже из одной знакомой мне сказки. Кажется, это была книжка про эльфов и таинственных лесных духов. И мне даже показалось, что она должна уметь летать. Или разбирать голоса деревьев, или ручьев. Я смутился. Очень она была красивая.

– Это Малой, внучок мой, – представил меня Дедуля. – Поживет со мной, пока дочка в отъезде. Неразговорчивый он, правда...

– Надо же, какой большущий, прямо великан! – Хозяйка меня приобняла, повела к столику, усадила и спросила, что я люблю. Пока я собирался с мыслями, Хозяин присел за наш столик с двумя кружками пива, для себя и для Дедули. Не дождавшись от меня ответа, Хозяйка сказала, что попробует угадать, и исчезла в кухне, откуда вернулась с тарелками всякой всячины. Пока я ел всю эту удивительно вкусную еду,

Дедуля оживленно болтал с Хозяином. Чувствовалось, что на душе у него хорошо и тепло.

Я наелся от пуза и немного осоловел. Но Дедуля явно никуда не спешил, и я стал смотреть вокруг. Люди приходили и уходили, расхваливали еду, и для всех у Хозяйки находились и доброе слово, и улыбка. Я смотрел, как она проворно скользит от столика к столику, смеется шуткам посетителей, как подносит тонкую руку ко рту, когда чему-то удивляется. Рот у нее был тоже красивый: губы такие пухлые и яркие, как будто она только что вишен поела. И я подумал, что, наверное, все в нее влюбляются. От этого мне опять стало неловко, и я решил на нее поменьше глазеть. И стал смотреть на Хозяина.

Он то внимательно слушал Дедулю, задумчиво кивая, то говорил какие-то умные вещи, и тогда Дедуля щелкал пальцами и вскрикивал: «Точно!» или «Во-о-от!». Когда Хозяин тянулся за своей кружкой, чтобы сделать очередной глоток, мышцы на его загорелой руке бугрились, и я думал, что он, наверняка, жуть какой сильный, хоть и добрый. Как и полагается благородному королю.

Опершись подбородком на руку, я смотрел на него не отрываясь и пытался прислушиваться к тому, что он говорит, но не все понимал. Румынский я хорошо понимал, мы с мамой говорили на нем дома, но «экономические перспективы» и «политическая конъюнктура» растворялись в воздухе, не вызывая у меня никаких образов. Я испытал очередной при-

лив уважения к Дедуле, который, судя по его бурной реакции, смысл точно улавливал.

Иногда Хозяин переводил взгляд на меня и подмигивал, что мне очень льстило и смущало одновременно. Но что бы он ни делал, он то и дело отыскивал взглядом Хозяйку, и тогда глаза его теплели еще больше. Казалось, будто бы ему хотелось ее погладить, приласкать. Хозяйка вроде и не смотрела вовсе в его сторону, но по тому, как она улыбалась своим мыслям, протирая стакан за баром, или как заправляла волосы за ухо, наклонившись над очередным столиком, было видно, что она знает, что Хозяин на нее смотрит. Мне показалось даже, что они здесь одни, в этой Таверне, хотя вокруг полно людей. Тогда я окончательно застеснялся и перестал за ними подглядывать.

За окном стало темнеть, народ начал расходиться. Нос у Дедули покраснел, а голос делался все громче и громче. Есть я уже не мог, и меня все больше клонило в сон. Дедуля спохватился и засобиравшись домой, но, когда он встал, его пошатывало, и Хозяин сказал, что подвезет нас до дома. Хозяйка вынесла нам с собой гостинцы в промасленном пакете и напоследок тепло меня приобняла и потрепала по голове. Я не удержался и тоже ее немного обнял в ответ, и вдруг у меня в груди что-то заворочалось, и я понял, что не хочу отсюда уходить.

Глава 3. Дедуля

Наконец мы с Дедулей починили велосипед, и я стал на нем ездить в школу. Правда, мне и эта школа все равно не очень нравилась: там было совсем неинтересно. Скучные уроки, и учительница тоже скучная. И приставучая.

Поэтому вместо школы я часто сворачивал на пристань – посмотреть, как разгружают лодки после ночной ловли, и как чайки кружатся над горами рыбы, пытаюсь стянуть одну. Если одной это удастся, остальные скрипуче хохочут над сонными хмурыми рыбаками. Меня тоже веселило, когда у чаек получалось, я всегда был на их стороне.

Или я ехал в город, на площадь у собора, где всегда было шумно и многолюдно. Там я укладывал велосипед в тени под деревом, садился рядом и смотрел на других людей. Мне нравилось придумывать, откуда они идут и зачем. Вскоре некоторые горожане начали меня приветствовать, кивая головой или касаясь рукой шляпы, или просто улыбаясь. Мне было приятно, хотя я и боялся, что они со мной заговорят. Я кивал в ответ и отводил взгляд. Но, к счастью, они никогда со мной не заговаривали.

Каждый раз по дороге в школу я думал о том, что хорошо бы однажды взять и заехать в Таверну, ведь надо было сделать совсем небольшой крюк. Но я опасался, что Хозяин или Хозяйка спросят, почему я не в школе, или расскажут

потом Дедуле, и он будет сердиться. Конечно, на обратном пути тоже можно было бы заехать и спросить, как идут дела, или что нового готовится на кухне... Но я представлял, что буду стесняться и заикаться, и они меня не поймут. И Хозяин, Благородный Король, посмотрит на меня с жалостью, как на «неполноценного». А Хозяйка удивленно всплеснет руками, закрывая маленькой ладошкой вишневый рот, и... В общем, каждый раз я ехал домой.

Поэтому в Таверну я ходил только вместе с Дедулей, после барахолки. Сказать по правде, мне это нравилось намного больше, чем ездить на пристань или в город.

Однажды, вернувшись из школы, я застал Дедулю сидящим за столом в кухне. Голова у него была слегка откинута назад, и сквозь очки, висевшие на кончике носа, он сосредоточенно читал какое-то письмо. По тому, как он хмурился и покашливал, я понял, что в письме написано что-то, с чем Дедуля не согласен. Так обычно бывало, когда он изучал счета или читал газеты. Увидев меня, он отложил письмо и сказал: «Вот такие вот, значит, дела», – и встал, чтобы поставить чайник. Я задумался: а что делают другие люди, когда не знают, что сказать или сделать, а чайника у них под рукой нет? А потом скосил глаза на письмо и увидел, что оно было написано от руки и по-румынски. И схватил его, потому что понял: оно от мамы.

Разобрать я смог не все. Вернее, почти ничего, кроме «до-

рогой папуля», и «мое солнышко», и «я так счастлива», и «он такой прекрасный человек», и «нам нужно уехать, чтобы встать на ноги». Впрочем, кажется, я понял самое главное. И очень обрадовался, что мама нашла все же свою любовь, «прекрасного человека», и ей сейчас хорошо.

Только вот самое важное мне осталось непонятным, и как только Дедуля уселся напротив с кружкой чая в руке, я его спросил, когда мама за мной придет. Дедуля на меня посмотрел внимательно, как будто до него не сразу дошло, о чем я его спрашиваю. Я повторил вопрос, стараясь говорить более внятно. Но Дедуля опять ничего не сказал, и я решил, что в письме мама об этом не написала. Наверное, забыла или торопилась.

Я не люблю делать уроки так же, как ходить в школу. Сижу, и сижу, и смотрю на буквы. Если очень-очень стараться, я могу прочитать несколько слов. Особенно, если эти слова мне уже знакомы. Но когда их много, то смысл от меня ускользает. Ну, вроде как поезд, когда на станции стоишь. Вот его голова, дальше вагон, а потом еще вагон, а потом еще и еще. И когда становится виден хвост, то головы уже не видно. С предложениями у меня та же штука. Учительница говорит, что у меня «*синдром растерянного внимания*». И что я должен очень-очень стараться собрать это свое внимание. И я стараюсь. Глубоко дышу. Сжимаю кулаки. Собираю внимание. Потом беру ручку, открываю тетрадку и сижу, приме-

риваясь к заданию. Потом по буквам вывожу слово и сравниваю с тем, что в учебнике. Вроде, похоже вышло. Вздыхаю и с тоской смотрю на все те слова, которые тоже надо переписать. А они опять выстроились в бесконечный поезд, и я опять не вижу его полностью...

Входит Дедуля и какое-то время стоит за моей спиной. Потом вздыхает, трогает меня за плечо и садится на мое место. Берет ручку. Старательно выводит слова, немного коряво, чтобы как будто бы это я. Потом захлопывает тетрадку, быстро сует ее мне и уходит в кухню. «Здорово, – думаю я. – Сейчас выпьем чаю и пойдем в гараж, *«починять»*». В такие минуты я счастлив.

Мне очень нравилось помогать Дедуле в гараже. Я научился чистить медные вещи тряпочкой со специальной мазью. Меня завораживало, когда сначала вещь мутная, зеленоватая, а потом становится блестящая, и ты можешь увидеть в ней самого себя.

А еще Дедуля мне часто поручал что-то резать или гнуть, или распрямлять молотком, ведь я очень сильный. А вот мелкие детальки – винтики, например, или пружинки – вечно выворачивались из моих пальцев, а уж тем более не хотели влезать туда, куда им положено. Впрочем, Дедуля говорил, что у меня руки растут из нужного места. Меня это забавляло: а откуда еще могут расти руки?

– Ну воооот, Малой... Почти наладили мы его, приемни-

чек. Странно, а? Старая ведь вещь, а стоит дороже новой. Чудак человек иной раз, да? За старую вещь платить больше, чем за новую. Впрочем, нам с тобой это только на руку. *Софо*, где кнопка-то третья? А? Нет, это не кнопка, это клавиша от печатной машинки, соломенная твоя голова, положи обратно. Вон там под стулом вроде кнопка, ну-ка, слазай туда.

Я доставал кнопку и отдавал ее Дедуле, аккуратно разжимая ладонь, чтоб не выпрыгнула и не спряталась от нас обратно под стул.

– Ну давай, милая, полезай. Не артачься, как девица на выданье, когда за старика сватают. Вот так, хорошо! – Дедуля кричал, оборачивался ко мне, глаза его блестели, и он смешно подмигивал всей половиной лица, как это делают артисты на представлениях, отчего очки у него на носу перекашивались. – Кучу деньжищ мы с тобой за этот приемник получим, целую кучу, а?

Я кивал. Я представлял себе, как кто-то подходит к нашему столику на барахолке, а впереди у него тачка, полная денег. И вываливает он их около нас в большую кучу. И уносит наш приемник. Ну, Дедуля разберется. Он с чем угодно мог разобраться.

– Н-дааа, – продолжал старик. – А на вырученные деньги я детали куплю, для пишущей машинки. И будет как новенькая. Сдается мне тот, лысый, ну что с глазами навывкате, на нее упадет с первого взгляда. Он портфель кожаный у меня уже купил, а еще лампу зеленую третьего дня. Слышь,

писателем себя вообразил. Ну так с такой машинкой и ты бы у меня писателем стал. Ха, а чего, слышь... Писа-а-а-а-телем! – и Дедуля, хлопнув себя по промасленным штанинам на костлявых коленках, смеется, довольный своей шуткой. Ну и я смеюсь вместе с ним.

Когда мы в следующий раз сидим в Таверне, отмечаем проданный приемник, Хозяин снова подсаживается к нам, и они с Дедулей пьют пиво. Хозяйка натирает бокалы за стойкой бара.

Тоненькими пальчиками она берет один, хрупкий и пузатый, как мыльный пузырь, поднимает за ножку и смотрит на свет, потом трет осторожно белоснежным полотенцем и опять смотрит, и так – пока не перестанет хмуриться и не кивнет довольно. Тогда она водружает бокал на специальный крючок над баром, туда, где его собратья уже сверкают рядом, как лампочки.

Я сижу и наблюдаю немного за ней и немного за тем, как разворачиваются чайники в стеклянном чайнике передо мной. Как живые. Мне хорошо. И очень спокойно.

В телевизоре дерутся двое в боксерских перчатках, их тела поблескивают в лучах прожекторов. «Как же странно, – думаю я, – что людям нравится смотреть, как другие друг друга бьют, да еще чем сильнее, тем лучше».

– Ну ты глянь на него, а? – вдруг вскрикивает Дедуля и

тычет пальцем в телевизор.

На экране один из дравшихся уже лежит на полу, мне даже поначалу кажется, что он умер. Рядом с ним наклонился третий, ну тот, что в рубашке с бабочкой и не дрался, и хлопывает лежащего по щеке. Тот вроде живой.

– Силе-е-ен, сукин сын, ну силе-е-ен! Вот это удар! *Caramba*, таким и убить недолго! Кто хоть это? Не разгляжу, что там написано, по мне они все теперь на одно лицо.

Победитель, тот, что перчатками кверху, улыбается. Улыбка у него не злорадная, а какая-то застенчивая, почти детская. И лицо симпатичное, совсем не злое. Только глаз заплыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.